

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ/ДЕКОЛОНИАЛЬНАЯ КРИТИКА И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ахтамхон Эльмурадов

Хурсанов Ёкубжон Эркин угли

Самаркандский государственный медицинский институт,

Республика Узбекистан, г. Самарканд

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7327251>

Аннотация: Находясь на пересечении множества дисциплин и направлений исследований, постколониальные теории предлагают широкий взгляд не только на культурное наследие колониализма и империализма как таковые, но и на более сложные и многогранные проблемы современности («колониальность власти», «геополитика знаний»), а также условия их возникновения. Постколониальные теории способствуют критическому переосмыслению евроцентрических нарративов, противодействуя телеологическим и линейным представлениям о современности. Несмотря на свою популярность, постколониальные исследовательские подходы проникли в теорию международных отношений довольно поздно. Обе области интеллектуального поиска развивались как по отдельности, так и противостоя друг другу в самой своей эпистемологической сути. На основе обзора обширной литературы автор исследует связи между производством постколониальных знаний и теорией международных отношений, тем самым освещая проблемы современной политической науки и международных исследований. Формирование интегративных подходов к изучению мировой политики позволит обеспечить консолидацию как политической науки, так и международных исследований и успешное взаимодействие этих областей знания.

Ключевые слова: постколониализм, колониальность, геополитика знаний, теория международных отношений, деколонизация.

POST-COLONIAL/DECOLONIAL CRITIQUE AND THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract: Being at the intersection of many disciplines and areas of research, postcolonial theories offer a broad view not only of the cultural heritage of colonialism and imperialism as such, but also of the more complex and multifaceted problems of modernity (“coloniality of power”, “geopolitics of knowledge”), as well as the conditions for their occurrence. Postcolonial theories contribute to a critical rethinking of Eurocentric narratives, counteracting teleological and linear notions of modernity. Despite their popularity, post-colonial research approaches penetrated the theory of international relations rather late. Both areas of intellectual search have developed both separately and in opposition to each other in their very epistemological essence. Based on a review of an extensive literature, the author explores the links between the production of post-colonial knowledge and the theory of international relations, thereby highlighting the problems of modern political science and international studies. The formation of integrative approaches to the study of world politics will ensure the consolidation of both political science and international studies and the successful interaction of these areas of knowledge.

Key words: post-cononialism, coloniality, knowledge geopolitics, international relations theory, decoonization.

ВВЕДЕНИЕ

Постколониализм можно понимать как критический ревизионистский подход, который активно влиял на академические круг, начиная с 1960-х годов, в сочетании с другими контрдискурсами, такими как постструктурализм, афроамериканские исследования, исследования феминизма и гендерные исследования, исследования идентичности, языка, национализма, расизма, этнографии и антропологии.

С течением времени постколониализм вобрал в себя множество идей и концепций из самых разных дисциплин. Постколониализм можно рассматривать как «реакцию» на колониализм или отход от него, точно так же как постмодернизм является «реакцией» на модернизм: сам термин «постколониализм» укоренен в постмодернизме, с которым он разделяет часть понятий и подходов. Например, одним из центральных понятий постколониальной науки является бифокальный подход, направленный на анализ властных отношений и выработку нормативных стратегий противодействия или деколонизации доминирующих историографий, а также эпистемологических и онтологических допущений, основанных на европоцентристском опыте. Фокус внимания на этих компонентах характерен для большинства исследователей постколониализма, что формирует образ чего-то «большого, чем просто теория» (Chibber 2013: 2). Вместе с тем такой взгляд на постколониализм вызывает целый ряд вопросов: насколько его можно считать теорией как таковой, должны ли и могут ли в рамках постколониальных исследований выдвигаться конкретные методы и концепции (Smith 1999; Spivak 2003; Chandra 2013). По сути? постколониализм, вопреки тому смыслу, который несёт в себе суффикс «-изм», не может пониматься как цельная теория, так как объединяет в себе целое разнообразие концепций и взглядов, опирающихся на матрицу знаний и политико-социальную субъективность той или иной истории и культуры. Кроме того, постколониализм не является субстантивной теорией, теорией среднего уровня.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Множественность точек зрения обусловлена различными интерпретациями постколониальных условий, особенно при сравнении временных и пространственных факторов. Это многообразие контекстов, в которых (пере)конституируется «постколониальный субъект», порождает фундаментальную проблему: постколониальные и колониальные условия значительно варьируются по форме и содержанию в разные исторические периоды, а также в различных регионах земного шара. Однако, несмотря на попытки постколониальной критики объяснить эту сложность, понятие постколониализма часто трактуют через категорию исторической преемственности. Приставка «пост-» понимается как исторический маркер, требующий определения отправной точки в истории (Young 2001; Seth 2013) или ее конца (Dabashi 2012). Эдвард Саид, выдающийся постколониалист, утверждал, что Бандунгскую конференцию 1955 года можно условно считать отправной точкой «постколониального»¹, поскольку эта дата положила начало изменению типа имперской конфронтации, с которой пришлось столкнуться постколониальным государствам (Said 2003: 104). В постколониальной мысли линейные подходы проблематизируются по крайней мере двумя способами. Во-первых, они склонны упрощать разнообразие историй и культур ранее колонизированных людей, народов, обществ сквозь призму европейской темпоральности, содержащей в себе представления о «развитии» и «прогессе». Постколониальная критика демонстрирует, что более тонкое понимание того или иного социума может быть достигнуто путем смещения данного

временного акцента, характерного для европейской мысли, в сторону пространственного разнообразия мировой политики. Идея «прогресса» явилась центральной для оправдания империализма и олицетворяла линейное, телеологическое развитие истории по европейским представлениям. С теми, кто не соглашался, оставались в «зале ожидания истории» (Chakrabarty 2000: 8). Во-вторых, постколониальная критика обращает внимание на, казалось бы, меняющийся характер мировой политики XXI века, а также состояние «глобальной колониальности». Несмотря на формальное прекращение прямого контроля, колониальные структуры продолжают обуславливать соотношение сил в глобальной политике, описанное как «империализм без колоний» (McClintock 1992: 89). Отмечается, что доказательства вины и ответственности все более перемещаются в неподдающуюся объективно обоснованным количественным оценкам ментальную и духовную сферу, где происходит «вживление» колониального способа мышления и навязываются западные парадигмы в образе жизни, системе ценностей, науке, литературе, театре, кино, моде и т.п. (Фитуни, Абрамова 2020: 30). Различия подходов возникают и в связи со множеством толкований сути, измерений, проявлений и последствий колониальности.

С течением времени авторские взгляды внутри постколониальных исследований разошлись, что привело к разночтению и противоречиям между постколониальной и деколониальной трактовками. Основное различие между ними состоит в том, что постколониальная теория в узком смысле чаще всего воспринимается как отражение типичного для европейской современности дуализма, тем самым воспроизводя состояние эпистемологической колониальности. Как пронизательно отмечает М. Тлостанова, представитель деколониальной теории на постсоветском пространстве, постколониальные исследования, по сути, есть перевод проблематики колониализма на понятный Западу язык. Иными словами, постколониализм часто попадает в ту же ловушку дихотомического мышления, которую постколониалисты сами осуждают, и пытается вырваться. Постколониальные исследования не меняют присущих модерности и фундаментальных для нее дискурсов прогресса и развития и не ставят под сомнение классической современной матрицы перевода географии в хронологию. Деколониальная трактовка, как сравнительно новое направление критического мышления, отличается от постколониализма тем, что радикально ставит под вопрос саму логику и систему современной матрицы знаний и дисциплинарности. Целью данной статьи, однако, не является оценка растущего академического поля постколониальных и деколониальных исследований со всеми их внутренними различиями. Следует отметить, что в более широком смысле оба подхода имеют одинаковое происхождение, несмотря на то, что они формулируют несколько разные цели и задачи.

Постколониальная мысль – это перформативный способ критического ревизионизма, направленный на колониальное прошлое и оценивающий его современное наследие, также сосредотачивающийся на тех формах колониализма, которые появились в нынешнее время в контексте всё более глобального, но не полностью деколонизированного мира (Huggan 2013: 10). Это широкое определение, сформулированное Г. Хагганом, не только оспаривает европоцентрические нарративы, но и отвергает телеологические концептуализации в целом. Постколониализм в этом смысле можно понимать как традицию критического мышления, получившую развитие в выдающихся работах Э. Саида (1978), Г. Спивака (1988) и Х. Бхабхи (1994), которые затем легли в основу академических постколониальных исследований. Таким образом, условно можно выделить две общие

генеалогии в постколониальной мысли: это подходы, сфокусированные на дискурсивном конструировании идентичностей субальтернов, и подходы, подчеркивающие социально-экономические и политико-эпистемологические условия постколониальных отношений. Хотя между ними есть явно пересекающиеся черты, можно сказать, что эти генеалогии сформировали различные направления исследований. К первой группе относятся исследования вышеупомянутых Саида, Спивака и Бхабхи. Базируясь на постструктуралистских работах Фуко (Саид), Альтюссера, Лакана (Бхабха) и Дерриды (Спивак), их теория колониального дискурса в основном сосредоточилась на социальном воспроизводстве постколониальных представлений о субальтернах (Chaturvedi 2012). Вторая группа представлена менее известными авторами – представителями латиноамериканского мира: Анибал Кихано, Вальтер Миньоло, Альберто Морейрас, Энрике Дуссель, Фернандо Корониль, Рамон Гроссфогель и др. Считается, что с XVI века начинает формироваться общая структура «колониальности власти», воплощающая в себе идеи современности и прогресса, распространившаяся с развитием западного капитализма, формированием атлантических торговых путей и неолиберального рынка (Quijano 2000). Если на протяжении XVI-XIX веков колонизированные «Другие» были охарактеризованы как «люди без письма» и «люди без истории», то в XX веке они считались «людьми без развития», а к началу XXI века – «людьми без демократии». Таким образом, колониальность власти является скрытой, но неотъемлемой частью риторики модерности, так как ее замаскированная структура «соединяет формирование расы (расизма), контроль труда (капиталистическую эксплуатацию), контроль государства и субъектности (в том числе и в гендерной сфере и сфере сексуальности), и, наконец, важнейший контроль над производством знаний, [...], создание западной монополии знаний в современной истории»³.

Важным шагом на пути к становлению деколониальной критики внутри латиноамериканской школы стало развитие теории зависимости, «внутреннего колониализма», анализ проблем глобальных неолиберальных структур и их влияния со ссылкой на теорию мир-систем (Wallerstein 1979: 2004). По Миньоло, постколониальная критика непременно должна вбирать в себя взгляды на историю со стороны представителей «сообществ-молчунов», которые были отстранены от процесса геокультурного конструирования Нового Света. Он утверждает, что пока современность преподносится как «риторика спасения», за ней скрывается колониальность, логика угнетения и эксплуатации. В этой интерпретации капитализм и колониальность рассматриваются как аспекты одного и того же инструмента контроля над экономикой, гендером, сексуальностью, знанием и субъективностью (Mignolo 2000; Quijano 2000; Quijano 2007). Если принять, как утверждает Кихано, что современность и колониальность – две стороны одного и того же процесса (Quijano 2000), тогда все современные институты, включая высшее образование, должны были бы быть созданными в контексте колониальности. Иными словами, колониальный опыт является определяющим и для современных преобразований: производство и применение знаний, идей, труда, капитала и актуальных процессов имеет тенденцию поддерживать превосходство Запада над «отсталыми» регионами мира. Очевидно, что картина сложнее, чем описано такой широкой кистью критического жанра, но концепция колониальности довольно отчётливо описывает и, следовательно, способствует прослеживанию тончайших структурных аспектов, тенденций и протекающих трансформаций. Таким образом, идея колониальности проливает свет на тот факт, что

основная динамика современности в мировой политике не обязательно универсализирует или уравнивает, но воспроизводит иерархически упорядоченный мир. Оценка того, какие подходы и трактовки обеспечивают лучшее объяснение мировой политики – задача, которая выходит за рамки простого сравнения колониальной и деколониальной критики, поскольку требует исследования содержания понятия «мировой политики», а также лежащих в ее основе эпистемологических и онтологических допущений. Очевидно, что исследование этой сложной, многогранной, изменчивой области должно подразумевать критический разбор не только основных теорий международных отношений, но и осознание их ограничений, таких как зависимость от методологического национализма, применения конвенциональных категорий и рамок, претензии на универсальность, построение «центричных» теорий. В этой связи важно переосмыслить роль постколониальной мысли в теории международных отношений как множества точек зрения, интерпретаций и подходов к вопросам идентичности, культуры и власти, которые разделяют общую озабоченность дискурсами и практиками колониализма и империализма и тем, как они продолжают проявляться в современной мировой политике. При этом необходимо переосмыслить значение существующих в интеллектуальном арсенале представлений о мировой политике и то, как они создаются.

Важно не ограничиваться исследованием той или иной теории, сравнивать и противопоставлять, как это традиционно делается, а проблематизировать эпистемологию, основы познания, присущие производству знаний о мировой политике в теории международных отношений. Геополитика знаний Постколониальные исследования утверждают, что дискурс социальных наук современности находится в кризисе. Это наблюдение оказывает существенное влияние на производство знаний в эпоху глобализации, поскольку ставит под сомнение сами «основы знания». Следовательно, постколониальная критика ставит цель разрушить господствующие дискурсы «освобождающего разума» («razón liberadora»; Dussel 1994), воспроизводящие истины, основанные на европейском опыте. Таким образом, она нацелена на тщательное изучение понятий и концепций, принимающихся в качестве должных в общественных науках. В этом отношении ключевой проблемой является понятие «геополитики знаний». «Геополитика знаний» (geopolitics of knowledge) – это концепция деколониальности, дискутируемая в основном среди латиноамериканских учёных. Согласно данной концепции, историческая экспансия западного капитализма подразумевала расширение западной эпистемологии во всех ее ответвлениях: от инструментального разума, сопровождавшего промышленную революцию и преподносимого в качестве риторики спасения, до стандартов науки, здравого смысла и т.п. (Dussel 1993, 1994; Mignolo 2002, 2003; Grosfoguel 2002). Постколониальная критика уделяет особое внимание различным проявлениям европоцентрического мышления в политических науках. Беглого взгляда достаточно, например, чтобы заметить, что траектория политической мысли в целом демонстрирует европоцентрическую тенденцию: будь то кантовский «вечный мир» как источник либеральной мысли и «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы (1992) как трансляция этой же кантовской логики, и представление о западном капиталистическом модерне как единственном жизнеспособном выборе для человечества (таких примеров множество). Более того, в повседневной академической лексике существует ряд широко распространённых категорий, понятий, подходов и методов («анархия», «несостоятельное государство», «негосударственные субъекты», «полевые исследования», «позитивизм», «рациональный

выбор», «гражданское общество»), которые продвигаются как нейтральные и объективные категории/критерии универсального исследования, однако же, могут оказаться довольно проблематичными при более внимательном рассмотрении. С. Кавирадж описывает расхождения между понятиями современной европоцентрической политической лексики, с одной стороны, и социальными реалиями и условиями их возникновения в странах третьего мира, с другой: «Язык современной политики удивительно и обманчиво универсален. Куда бы мы ни шли в третьем мире мы встречаем социалистов, либералов, подозрительно большое количество демократов из всех разновидностей, националистов, федералистов и центристов. Тем не менее, в большинстве случаев их фактическое поведение существенно отличается от того, что мы обычно ожидаем с учетом давно установившихся значения этих терминов в западной политической и общественной мысли. Таким образом, при изучении политики в странах третьего мира мы сталкиваемся с серьёзным несоответствием между формулировками, описывающими это мир, и объектами, которые его населяют» (Kaviraj 2001: 289). «Политическая лексика современности» непременно влияет на дискурс о социально-политических процессах становления в России и на постсоветском пространстве в целом. Несмотря на то, что в зарубежной литературе по теории международных отношений постколониализм достаточно хорошо изучен, а сам он превратился в одно из влиятельных направлений постпозитивистской парадигмы теории международных отношений, в российской международнополитической науке как сама школа, так и её изучение находятся в зачаточной форме. Попытка разобраться с историей и основными постулатами этой школы является одной из важнейших задач в контексте переосмысления «политического» на постсоветском пространстве.

Исследование становления постсоветской Центральной Азии, например, по-прежнему в значительной степени основывается на устойчивых представлениях, которые навязывают старые образцы и прототипные модели, в которых понимание региона формируется его дискурсивным воспроизведением как «важный фактор стабильности/безопасности», «площадка» для сотрудничества/борьбы между «великими державами»; при этом игнорируя культурно-исторические условия возникновения местной специфики, социально-политическую субъектность (Elmuradov 2021). При этом примечательно, что сами ученые из Центральной Азии чаще всего оказываются пассивными получателями и воспроизводителями знаний, уходящих корнями в западную эпистемологию, нежели чем производителями новых, отличных точек зрения. В. Морозов применяет постколониальную теорию к России, рассматривая ее как «субальтернативную империю».

В своей новаторской книге «Постколониальная идентичность России: Субальтернативная империя в европоцентричном мире» автор «подталкивает» постколониальные и конструктивистские исследования к непростому диалогу, который демонстрирует напряженность и выявляет многочисленные белые пятна в обоих подходах (Морозов 2015). Критический обзор существующей литературы позволил автору проанализировать, как положение России в международной системе обусловило её внутреннее развитие, как это, в свою очередь, привело к конкретным внешнеполитическим результатам. Приняв евроцентрическое мировоззрение, Россия тем не менее отличается от европейских стран: это различие определяется не культурой, а скорее неравномерным и комбинированным развитием глобального капитализма, в который Россия интегрирована как полупериферийная нация. Российское государство, колонизируя свою периферию,

расширялось с запада в разные направления, но так и не смогло преодолеть экономическую и нормативную зависимость от западного мира. Своеобразная диалектика подчиненного и имперского в постсоветский период породила официальный дискурс, который основан на идее защиты «подлинно российских ценностей», хотя на самом деле за этим новым традиционализмом стоит всего лишь отрицание западной гегемонии (Морозов 2015). Таким образом, постколониальная критика в теории международных отношений пытается разрушить представление о Европе как о единственном активном создателе всемирной истории. Этот миф влечет за собой повествование о Европе как о современной и прогрессивной цивилизации на протяжении всей истории, что и привело к естественному возвышению её значимости в мире. Согласно этой идее, отсталость, по существу присущая «традиционным обществам» за пределами Запада, привела к логическому распространению «освобождающего разума» на глобальные периферии.

Создание национальных государств в Европе и колониальное предприятие по созданию государств в остальном мире основано на этой идее, которая всё ещё сохраняет глубокие корни в мышлении о международном, глобальном и мировом. Два важных паттерна лежат в основе этих корней: антиисторический характер доминирующих теорий международных отношений и эпистемологический эссенциализм используемых категорий. Практика теоретизации международных отношений не проявляет особого интереса к глобальной/транслокальной истории⁴ и вообще понятию историчности, поскольку история и историчность считаются не очень важными, если определяющей чертой международного порядка является предположение о трансисторической «анархии» или о государствах как «рациональных однородных единицах»⁵. Эпистемология не аисторична, она не может быть сведена к линейной истории от античного до современного производства знаний в Северной Атлантике. Эпистемология должна быть пространственной по своей историчности. То, что антиисторическая концепция доминирующих теорий, таких как неореализм, рассматривает Вестфальскую систему в качестве отправной точки для теоретизации о международном в академических дебатах, является онтологическим и эпистемологическим препятствием для познания реальности (Ling 2002; Hobson 2007; Acharya, Buzan 2010). Неспособность оценить неоколониальные структуры и учесть постколониальный опыт в значительной степени проистекает из колониального наследия самой теории международных отношений (Inayatullah, Blaney 2004). Долгое время в системе общественных наук на Западе теория международных отношений была (и остается в той или иной форме) направлением для воспроизводства элиты, вовлечённой в проект поддержания империи или управления постимперскими отношениями.

На протяжении второй половины XX века академические круги всё больше ратовали за деколонизацию и обеспечивали встречи интеллектуалов из колонизированного мира для разработки будущих идей и стратегий. Однако несмотря на радикальные изменения, связанные с деколонизацией, «освободительный разум» так и не был полностью устранен. В своей работе Инаятулла и Блейни предлагают не только убедительные эмпирические аргументы в пользу исключительных практик внутри и за пределами академических кругов, но также объясняют, что теория международных отношений в недостаточной мере учитывает культурные различия и незападный опыт. Построив абсолютные и объективные «стандарты», доминирующие теории стали парадигмальными, что в конечном итоге и порождает насилие ради «теоретической чистоты» (Inayatullah, Blaney 2004: 168). Это замечание Инаятуллы и Блейни напоминает острое наблюдение А. Тикнер о том, что

«теория не отражает природу, а, скорее, ученые несут ответственность за преобразование природы в слова» (Tickner 2013: 630). Серьезно относясь к роли временных и пространственных условий для производства знаний, критики выдвигают социально-исторический подход, предполагающий альтернативные прочтения. Например, вызов европоцентрическому нарративу был брошен в работе Д. Хобсона «Восточные истоки западной цивилизации». Отказываясь от европоцентризма, Хобсон прослеживает различные события в экономике, торговле и науке на протяжении более тысячи лет в различных регионах по всему миру. В частности, он описывает, каким образом Запад смог извлечь выгоду из активного взаимодействия с другими регионами и странами, такими как Китай, Индия, исламские империи и Африка (Hobson 2004). Стоит отметить еще одну книгу Д. Хобсона «Евроцентрическая концепция мировой политики», в которой подробно рассматриваются различные западные международные теории, возникавшие с 1760-х по 2010-е годы. Он разделяет общее наблюдение постколониальных исследований в том, что теории «не многое объясняют о международных реалиях [...], но стремятся, часто неосознанно, продвигать Запад в качестве активного субъекта, высшего или идеального нормативного референта в мировой политике» (Hobson 2012: 1). Примечательно, что не все теории международных отношений, отнесённые к европоцентрическим, «осознают» нормативный характер своих концепций (Hall, Hobson 2010; Jabri 2014). Постколониальная критика проблематизирует не только антиисторический характер теорий международных отношений, но и используемые категории, понятия и концепции, принятые в качестве аксиом. Учёные разделяют убеждение, что эпистемологический эссенциализм должен подвергаться сомнению, потому что он реифицирует доминирующие структуры (Seth 2013, Ling 2014; Sabaratnam 2013, 2017). Согласно С. Сёну, построение государства за пределами Европы привело к становлению колониальной модерности в XVIII и XIX веках, а вместе с тем и распространению множества понятий европейского происхождения. Отношения между гражданским обществом и государством, которые считались естественными в Европе, не коррелировали с представлениями коренных народов, например, в Индии, и колониальное государство не пыталось учесть их при формировании собственных институтов (Sen 2002). В качестве другого примера стоит отметить работу А. Заракол «После поражения: как Восток научился жить с Западом», в которой автор рассматривает три «восточные» страны, потерпевшие крупные военные поражения: Турция после Первой мировой войны, Япония после Второй мировой войны и Россия после холодной войны. Один из выдвинутых аргументов заключается в том, что «внутренние нарративы «модернизации» после поражения как в Японии, в России, так и в Турции имеют поразительное сходство» (Zarakol 2011: 9): во всех случаях политические элиты успешно использовали этот нарратив, видя себя в качестве посредников между современным Западом и «отсталыми» обществами. Заракол указывает на нерефлексивный характер доминирующих теорий международных отношений, работающих с априорными предположениями о существовании системы национальных государств в глобальном масштабе (Zarakol 2011).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Деколонизация теории международных отношений Открытым остается вопрос о том, внесла ли постколониальная критика равнозначный вклад в проблематизацию современных процессов мировой политики по сравнению с классическими парадигмами. На этот вопрос следует ответить, несомненно, утвердительно. Постколониализм, в

конечном счете, предполагает пристальный взгляд на различные аспекты социальной жизни, включая опыт, ценности, историю. Как таковые постколониальные подходы могут также привлекать духовные, религиозные, трансцендентальные и незападные философские концепции, которые часто могут трактоваться в качестве иррациональных или ненаучных в западных академических кругах (Shani 2007, 2008; Acharya 2011; Shilliam 2011; Ling 2014). При этом стоит признать и наличие определённых недостатков и ограничений: например, опора постколониальной мысли на постмодернизм и постструктурализм, а также на европейские способы производства знаний (Dirlík 1994; Brown 1994). Постструктурализм и постмодернизм понимаются как «внутренняя» критика современности, в то время как постколониализм описывает особый способ критики со стороны Азии, Африки и Латинской Америки. Бинарные конструкции на онтологическом и эпистемологическом уровне, однако, все больше оспариваются в свете растущего взаимодействия между обществами по всему миру (Matin 2013). Ряд учёных призывает переосмыслить в новом эпистемологическом свете основные парадигмы в теории международных отношений и критически, и всесторонне исследовать способ производства нового знания. Речь идёт и о развитии относительно новых областей, таких как «глобальная социология» (Global Sociology) и «глобальная история» (Global History) (Go 2016; Go, Lawson 2017). Деколониальная критика рассматривает эти призывы с точки зрения деколонизации различных областей исследования: деколонизация общественных наук должна выйти за рамки концепций внутри той или иной области и содержать направления неевропоцентричной критики, деколонизируя производство самого знания (Tlostanova 2019). Сказанное не означает, что деколонизацию производства знания следует понимать как представление контрдискурсов; скорее она понимается как продуктивный результат постколониальной критики, направленной на изменение значения норм и институтов в глобальном масштабе в соответствии с более справедливым и инклюзивным видением.

ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках теории международных отношений деколониальные подходы варьируются от незападных теорий до отдельных аналитических попыток оспорить эпистемологические и онтологические предположения существующих парадигм. Как утверждает С. Сет, «незападная теория международных отношений по-прежнему будет теорией международных отношений» (Seth 2013: 2). С другой стороны, активно дискутируется возможность консолидации китайской, индийской или латиноамериканской теории международных отношений (Tickner 2003; Chan, Moore 2009; Tickner, Wæver 2009; Acharya 2011). Большинство из этих новых подходов направлено на формулирование идей децентрализованного мира, представленной, например, в работе Д. Чакрабарты «Провинциализация Европы» (Chakrabarty 2000). Необходимо подчеркнуть, что стратегии деколонизации должны учитывать широкий спектр факторов, среди которых находит место и размывание границ в контексте глобализации. С усилением последней, подстёгиваемой миграцией, постколониальное превратилось в «момент» глобального человеческого существования, не во временном смысле, а дискурсивно и аффективно, социально-экономически и т.д.

ВЫВОДЫ

Колониальность продолжает оставаться в этой новой глобальной среде неназванной, невысказанной движущей силой модернизации и рынка (Mignolo 2012: 220). В нынешних условиях научное сообщество нуждается в новом диалоге, значимость которого

заключается в разработке стратегий деколонизации в рамках академической практики и научных исследований (Shilliam 2021). «Деколонизация» должна определять способы, которыми среда знаний воспроизводит колониальные иерархии. Очевидно, что одним из важных факторов являются университеты и учебные программы. Как выглядят учебные планы? Какая литература/авторы/темы используются? В то время как одна модель образовательной среды рассматривает академиков как дарителей знаний студенческому сообществу, деколонизация учебных программ тем не менее означает создание пространства и ресурсов для диалога о том, что преподается, как это формирует наш мир.

Литература:

1. Элмуратов Г. К., Шукуров Б. И. ВИДЕОЭНДОХИРУРГИЯ В ДИАГНОСТИКЕ И ЛЕЧЕНИИ РАЗРЫВОВ ДИАФРАГМЫ //THEORY AND ANALYTICAL ASPECTS OF RECENT RESEARCH. – 2022. – Т. 1. – №. 7. – С. 40-58.
2. Мустафакулов И. Б., Карабаев Х. К., Джураева З. А. AMNIOTIC MEMBRANE-AS AN EFFECTIVE BIOLOGICAL WOUND COVERING //УЗБЕКСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. – 2021. – №. SPECIAL 1.
3. Ахмедов Р. Ф. и др. Диагностическая значимость уровня прокальцитонина при ожоговой болезни //Журнал Неотложная хирургия им. ИИ Джанелидзе. – 2021. – №. S1. – С. 11-12.
4. Ахмедов Р. Ф. и др. Наш опыт лечения ожогового сепсиса //Журнал Неотложная хирургия им. ИИ Джанелидзе. – 2021. – №. S1. – С. 10-11.
5. Курбонов Н. А., Ахмедов Р. Ф. MODERN APPROACHES TO THE TREATMENT OF DEEP BURNING PATIENTS //УЗБЕКСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. – 2022. – Т. 3. – №. 2.
6. Мустафакулов И. Б., Умедов Х. А. SURGICAL TACTICS IN CASE OF ISOLATED INJURIES OF SMALL AND LARGE INTESTINE //УЗБЕКСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ. – 2022. – Т. 3. – №. 2.
7. Abdurakhmanovich A. A., Furkatovich A. R. Methods of early surgical treatment of Burns //Web of Scientist: International Scientific Research Journal. – 2022. – Т. 3. – №. 6. – С. 528-532.
8. Erkinovich K. Y. METHODS OF EARLY SURGICAL TREATMENT OF BURNS //Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). – 2022. – Т. 2. – №. Special Issue 4. – С. 184-188.
9. АВАЗОВ А. А. и др. KUYISHLARDA ERTA XIRURGIK DAVOLASH USULLARI //ЖУРНАЛ БИОМЕДИЦИНЫ И ПРАКТИКИ. – 2022. – Т. 7. – №. 4.
10. Авазов А. А., Хурсанов Ё. Э. У., Шакиров Б. М. ҚЎЛНИНГ ЧУҚУР КУЙИШИНИ ДАВОЛАШ ТАКТИКАСИ //Research Focus. – 2022. – №. Special issue 1. – С. 35-42. J Surg Sci Oper Care. – 2022. – Т. 4. – С. 101.
11. Эльмуратов Л. Паллиативные резекции и экстирпации при раке ободочной и прямой кишки: дисс.... канд. мед. наук //Дисс... канд. мед. наук. – 1988.
12. Кныш В. И. и др. Паллиативные резекции и экстирпации при раке ободочной и прямой кишки //Хирургия. – 1987. – №. 9. – С. 97.
13. Кныш В. И. и др. Синдром Ормонда в онкологической клинике //Хирургия. – 1989. – Т. 5. – С. 125-127.

14. Vodolazov D. Y., Elmuradov A., Peeters F. M. Critical currents of the phase slip process in the presence of electromagnetic radiation: Rectification for time asymmetric ac signal //Physical Review B. – 2005. – Т. 72. – №. 13. – С. 134509.
15. Vodolazov D. Y., Elmuradov A., Peeters F. M. Critical currents of the phase slip process in the presence of electromagnetic radiation: Rectification for time asymmetric ac signal //Physical Review B. – 2005. – Т. 72. – №. 13. – С. 134509.
16. Багненко С. Ф. и др. Медицинская помощь при механической травме груди и живота на догоспитальном этапе //Вестник хирургии имени ИИ Грекова. – 2007. – Т. 166. – №. 2. – С. 47-50.
17. Давлатов С. С., Жураева Ф. Ф., Юсупалиева К. Б. К. Эффективность миниинвазивных методов хирургического лечения больных с острым деструктивным холециститом //Academy. – 2017. – №. 7 (22). – С. 92-94.
18. Курбаниязов З. Б. и др. Эффективность использования миниинвазивных методов хирургического лечения больных с острым деструктивным холециститом //Академический журнал Западной Сибири. – 2013. – Т. 9. – №. 4. – С. 56-57.
19. Даминов Ф. А. и др. Хирургическая тактика лечения диффузно-токсического зоба //Академический журнал Западной Сибири. – 2013. – Т. 9. – №. 1. – С. 21-21.
20. Элмуродов А. Н. Об одной задаче со свободной границей для параболического уравнения типа реакция-диффузия //Актуальные проблемы прикладной математики. – 2018. – С. 290-290.
21. Элмуродов А. Н. Двухфазная задача со свободной границей для квазилинейных параболических уравнений //ББК 22.251 я431+ 95.4 М341. – 2019. – С. 106.
22. Элмуродов А. Н. Трехфазная задача со свободной границей для уравнений типа реакция-диффузия //Дифференциальные уравнения и математическое моделирование. – 2019. – С. 67-67.
23. Элмуродов А. Н. ДВУХФАЗНАЯ ЗАДАЧА СТЕФАНА ДЛЯ КВАЗИЛИНЕЙНЫХ ПАРАБОЛИЧЕСКИХ УРАВНЕНИЙ //Актуальные проблемы науки и образования в современном ВУЗе. – 2019. – С. 189-193.
24. Элмуродова А. А., Косимова Д. С., Шадыева Н. Ш. Вклад Абу али ибн Сино в развитие фитотерапии //Новый день в медицине. – 2020. – №. 4. – С. 604-606.
25. Ruziboev S. A. et al. Results Of Treatment Of Acute Diffuse Purulent Peritonitis Using Laparostomy //The American Journal of Medical Sciences and Pharmaceutical Research. – 2020. – Т. 2. – №. 11. – С. 66-71.
26. Элмуродова А. А., Косимова Д. С., Шадыева Н. Ш. Вклад Абу али ибн Сино в развитие фитотерапии //Новый день в медицине. – 2020. – №. 4. – С. 604-606.
27. Элмуродов А. Н. Двухфазная задача со свободной границей для систем параболических уравнений с нелинейным членом конвекции //Вестник КРАУНЦ. Физико-математические науки. – 2021. – Т. 36. – №. 3. – С. 110-122.
28. Elmuradov A. Postcolonial/Decolonial Critique and the Theory of International Relations //MGIMO Review of International Relations. – 2021. – Т. 14. – №. 3. – С. 23-38.
29. Elmuradov A. Uzbekistan Between Tradition and Modernity: Subject and Symbolic Order //Central Asia After Three Decades of Independence: Politics and Societies Between Stability and Transformation. – 2021. – Т. 15. – С. 21.
30. Elmuradov A. N., ShK A., Shakirov B. M. Diagnosis and Surgical Treatment of Patients with Closed Pancre-atic Injuries //J Surg Sci Oper Care. – 2022. – Т. 4. – С. 101.